

СТРАНИЦЫ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Г.В. Проскурякова

Волышовская старина

13. Глазами четырех поколений

КОГДА пишется работа по истории, в ней обязательно должна быть глава об источниках. Лучше всего, если эти источники - документы.

Когда записывается то, что сохранила память, и притом память ребенка, человека несложившегося, источник - это не только наблюдения автора, но и влияние ближайших к нему людей, их опыт, вкусы и пристрастия, способность увлечь ими другого.

Если в результате этих воспоминаний и получается краткая история одной волышовской семьи, то она не была целью. Однако автору хотелось показать, что, не будучи с первого взгляда типичной, история одной семьи отражала характерные особенности времени, места, социальной среды.

В 50-х гг. XIX столетия, когда село Волышово разрасталось как центр вновь образованного майоратного имения графов Строгановых, его хозяйка, графиня

Татьяна Дмитриевна, урожденная Васильчикова, вероятно, по совету своего отца назначила конторщиком крепостного Павла Калиныча Пешего. Может быть, еще раньше или в связи с этим назначением, его оторвали от дома, где оставалась семья его родителей. Конторщик в то время в имении - второе лицо после управляющего: в его ведении были денежные дела и вся отчетность.

По национальности П.К. Пеший считал себя украинцем, хотя родиной его было местечко Новый Быхов в Белоруссии, на берегу Днепра. Об этом он пишет в единственно сохранившемся письме в 1890 г., которое адресовано дочери в Петербурге и написано им после посещения родных мест после 40-летнего отсутствия, написано образно, остроумно и очень грамотно.

Приехав в Волышово, он вскоре женился на Дарье Дмитриевне Козловой, крепостной соседнего помещика, родом из деревни Токарево. В Волышове она стала работать птичницей; там, при птичнике, который был украшением и достопримечательностью парка, и жила их быстро разрастав-

шаяся семья - семья, которую, пожалуй можно отнести к верхней прослойке крепостных, если не к крепостной интеллигенции.

После отмены крепостного права многие из дворовых Строгановых остались на своих местах, получая теперь "жалованье" и - вместо прежней месячины - часть "харчей" из запасов имения.

Конторщик П.К. Пеший был широкой натурой - добрым, любознательным, начитанным человеком и увлекался техникой. При помощи кузнеца пытался как-то смастерить велосипед, но тот оказался очень тяжелым на ходу. Нрав у мастера был крутой, и он "в сердцах" закопал свое произведение где-то около дома. Переписка и дела по вольшовской "экономии" требовали постоянной работы и внимания, поэтому Павел Калиныч собрался съездить на родину лишь лет через сорок после отъезда, тогда, когда ушел с должности и переехал из Вольшова в село Тишинку на самостоятельное хозяйство. И этот решительный шаг был сделан сгоряча: во время одного разговора граф С.А. Строганов накричал, а потом ударил, кажется, арапником или стеклом старого конторщика, как будто вернув его во времена крепостного права. И тот обиды не стерпел.

Жена у П.К. Пешего была его противоположностью: сдержанная, насмешливая, с очень сильной волей, она и детей, и мужа держала в повиновении и так на всю жизнь осталась "мамашей", а потом "бабинькой", перед которой трепетала семья. Ни у кого она не вызывала настоящей горячей привязанности, но ей и достаточно было, как ей казалось, непререкаемого авторитета.

Из двух сыновей остался в

живых один - Гриша, похожий на мать и лицом, и сдержанным характером. Отец ему говорил с досадой: "Меланхолик ты, сын!" И это было очень правильно сказано в оба адреса, намеком касалось и жены.

А дочерей было четыре; все они, вырастая, шли служить в графский дом или в петербургские и другие владения Строгановых и их родни. Мы уже видели, как умело подбирали для этих владений работников-специалистов своего дела из людей разных национальностей. Из дочерей старшая вышла замуж за англичанина-наездника; вторая - за немца-повара; младшая - за литовца, специальности неизвестной. И только одна, раньше всех отбившаяся от семьи, за русского, петербуржца.

Все учились в вольшовской начальной школе, старшая сестра Анюта и брат Гриша - в одном классе. И хотя учитель настаивал, что девочка гораздо способнее и умнее мальчика, ее ученье прервалось после двух классов (нужно было нянчить младших), а сына отдали в Порхов, в уездное училище. Благодаря полученному образованию, он был назначен на должность камердинера ("мальчика") к графу, потом плавал с ним в качестве юнги в кругосветном путешествии на собственной графской яхте, постепенно выдвинулся из других служащих и стал для графа навсегда довольно близким и доверенным человеком. У него были свои хорошие качества: тихий и сдержанный, если он за что-нибудь брался, то делал это заботливо, тщательно и хорошо, даже изящно - красиво писал, играл на гитаре, в молодости был отличным наездником и охотником, а в зрелые годы не только хоро-

шим организатором порученного дела, но и лучшим в любой команде игроком в крикет и крокет.

Из детей Павла Калиныча Пешего в Вошьшове, кроме сына, вскоре оказалась та самая старшая дочь Анюта, которая сначала жила с мужем в Щенце, где, как и в Дорогинях, было отделение вошьшовского охотничьего хозяйства. Ее муж Эндрю Фишер - Андрей Антонович для его новой родины - был приглашен на службу к графу Строганову в 19 лет. В семье долго хранился его английский диплом об окончании какой-то необыкновенной школы наездников: в ней давались и зоотехнические, и охотоведческие, и ветеринарные знания. Он был взят не только на должность наездника, но и "борзятника" (в Вошьшове выращивались и обучались щенки этой породы и гончие), затем пошли повышения, и через несколько лет он стал управляющим охотой.

Юноша очень приятный, красивой наружности, общительный и приветливый, сперва не знавший ни слова по-русски, вошел в маленький кружок давно живших в Вошьшове англичан, а через них и в наиболее гостеприимные и хлебосольные дома других служащих.

Из Англии были привезены фотографии многочисленной семьи, в которой Эндрю был младшим, немного книг из классической литературы и несколько портретов королевы Виктории.

Не прошло, наверно, и года, как Анюта Пешая оказалась женой нового вошьшовского англичанина. После рождения дочери семья переехала из Щенца в "английский домик" - одно из зданий главных конюшен. А.А. Фишер стал не по летам солидным: растолстел, бла-

годаря хозяйственному таланту молодой жены, растил уже двоих детей, сносно говорил по-русски, но старшую девочку "Лиди" учил молиться по-английски и мечтал поехать в Англию, как только подрастут дети.

Он был знающим коннозаводчиком и лихим наездником, и гибель его в 1883 г., когда ему было 24 года, была страшной и бессмысленной. По какому-то делу, в мороз и пургу, он скакал вдвоем с другим охотником из Щенца или Логовина в Вошьшово. На них напала стая волков; после долгой бешеной скачки оба охотника бросили в стаю свои полушубки - и волки отстали. Но спасение от волчьей стаи стоило жизни: А.А. Фишер умер через несколько дней, его товарищ по беде - через месяц (оба - от крупозного воспаления легких).

После Андрея Антоновича осталось трое детей; младшую девочку он не успел увидеть. Вдова была в отчаянии, родителям пришлось вернуться из Тишинки в Вошьшово, на тот же птичник и навсегда поселиться вместе с дочерью. Они были не против возвращения, но не такой же страшной ценой. На кладбище в Тишинке появился памятник с надписью "Здесь покоится великобританский подданный А.А. Фишер"; у детей позднее появились паспорта, полученные из английского посольства, но родственные связи с Англией быстро порвались, и постепенно наладилась новая жизнь большим и сложным семейством.

Вдове и детям была дана пенсия и назначен опекун - Григорий Павлович Пеший, брат Анны Павловны Фишер. Может быть, отчасти в связи с этим он был назначен

на слишком высокий в связи с его молодостью пост управляющего охотой; англичане, братья Пейдж, позднее пришли к руководству конзаводом и английской конюшней.

Вскоре из Вольшова уехал его владелец, и началась новая, поначалу странная, жизнь большого поместья, где годами ждут-не дождутся хозяина.

Как уже говорилось, почти всех детей из Вольшова после окончания начальной школы отправляли учиться в Петербург. И хотя на это давались пособия из главной строгановской конторы, о высшем образовании мечтать не приходилось: надо было дать детям специальность, а сиротам особенно.

“Мисс Лиди Фишер”, как любил называть ее отец, начинала учиться в Демидовской гимназии, что была на Крюковом канале, но за два года до окончания ее перевели в частную профессиональную школу, тоже с интернатом. Был сдан экзамен на аттестат зрелости и получен диплом домашней учительницы и учительницы рукоделия. Брат Гриня очень просился, после окончания уездного училища в Порхове, в школу наездников - он до самозабвения любил лошадей, днями пропадал на конюшнях - но мать наотрез воспротивилась, боясь повторения судьбы отца, и его отдали учиться на электромонтера - в Петербург. Младшая дочка вольшовского англичанина умерла десяти лет от роду.

Жизнь двух полусирот была не очень легкой, несмотря на тихое благополучие, бросавшееся в глаза каждому, кто приезжал в Вольшово из Петербурга или приходил из деревни. У деда и бабки Пеших были крутые, никогда не притершиеся друг к другу харак-

теры. В Тишинке оба пристрастились к выпивке; жена с годами от нее отстала и тем жестче боролась за трезвость мужа. Спорили часто и попусту. Павел Калиныч называл это “возить дьявола” (“Что, мать, возишь? Ну, вози, вози”, - и уходил к себе в мезонин).

С внуками “бабинька” была крайне строгой, командовала и дочерью, считая ту не очень взрослой и - в отца - легкомысленной, даже тогда, когда обе дожили одна до ста, другая - до восьмидесяти лет.

Детям было приказано называть “папой” брата матери Григория Павловича, и тот, может быть, со временем сумел бы заменить им умершего отца, но года через три он женился и зажил своим домом. Душой этого дома стала его жена Вера Ивановна - женщина крутого нрава и привычек, одержавшая верх даже над свекровью.

Особенно трудно стало приходиться со временем мальчику - дядиному тезке. Он был ласковый и покладистый, но сызмала одержимый несколькими страстями - об одной из них, к лошадям и конюшням, уже говорилось. Учиться он стал не очень прилежно, друзей заводил без большого разбора, и матери приходилось обращаться к брату, а тому наказывать, как тогда полагалось, ремнем. Тетя Вера поддержала введенную “бабинькой” традицию: после порки наказанный благодарил наказавшего. На всю жизнь осталась обида от необходимости лицемерить и еще от некоторых теткиных измышлений. Так, однажды, за Гринины проступки, детей наказали на рождество “без елки”, а мальчика не пустили на елку к двоюродной сестре, в дом Пеших. Мальчишка немного посмотрел в окошко с ули-

цы, потом с плачем ушел домой, и наказанной осталась вся семья: и дед, и сестры, и, наверное, больше всех мать мальчика.

Унизительных наказаний, выговоров и бестактных поступков от тети Веры можно было ожидать всем ее близким в течение всей ее жизни, но бороться, сопротивляться и обижаться не имела права только опекаемая семья Э. Фишера.

Когда старшая дочь Лида выросла и окончила школу в Петербурге, в Волышове работы для нее не было, а послать или отпустить в другой город или на службу к строгановской родне семья и опекуны не решались. Девушку пригласила к себе одна сестра матери - Татьяна Павловна - в Ковно, потом другая - Мария Павловна - в Гатчину. Поездки были интересными, запомнились на всю жизнь. Везде, как и в самом Волышове, возникали проекты замужества, но и девушка, и родные всерьез к ним пока не относились.

В 1901 г. в Волышово приехал новый фельдшер на место умершего - В.Г. Проскуряков. Ему было 23 года, он был по виду, по речи, по интересам настоящим петербуржцем, за это над ним даже немного подшучивали. Он был младшим сыном очень пожилой вдовы, приехавшей с ним, полюбившей его новую квартиру, но рвавшейся в Петербург с началом каждой зимы. Из всех волышовских девушек он выбрал Лиду Фишер, и у них начался хороший, старомодный роман, скоро перешедший к объяснению и свадьбе.¹ Жених честно, как ему самому казалось, предупредил невесту, что ее муж боль-

ной человек (по этой причине он был уволен с военной службы). Она уже успела узнать за ним и другие недостатки - вспыльчив, самолюбив, склонен к ревности, но было в нем и очень много хорошего: способность увлекаться работой, начитанность, любознательность, отвращение к "лакейству", которое представлялось ему в Волышове главной опасностью.

Его отец был "николаевским солдатом" - так называли мужчин, отслуживших на военной службе срок, полагавшийся до реформ 60-х годов - 25 лет. Окончив службу далеко за сорок, он женился на девушке из петербургского воспитательного дома. Ее гордостью была девичья фамилия Романова: такую фамилию давали девочкам "законнорожденным", отданным на воспитание родителями; "незаконнорожденные" жили в другой половине дома и получали фамилию Богдановых.

Григорий Иванович Проскуряков - так звали "николаевского солдата" - устроился на службу в банке, семья жила на Михайловской площади (теперь площадь Искусств) в огромном доме Жербиных - против входа в этнографический музей.

За 26 лет супружества родилось 8 детей, выжили из них шестеро. Отец умер, когда младшему сыну Васеньке шел четвертый год. Вдове пришлось думать о заработке, а детей пристраивать в ремесленные и военные училища. Старший сын нашел работу рядом с домом в Михайловском театре, монтером, мать была неграмотной, стала зарабатывать стиркой на дому.

Когда женились мои родители, жизнь этой моей петербургской бабушки изменилась к лучше-

¹ Здесь появляются в воспоминаниях родители автора - Лидия Андреевна и Василий Григорьевич Проскуряковы.

му. Хотя к этому времени старшие дети ей помогали и она могла жить у любого из них (в трех городах на выбор), в Вольшово оказалась самая приветливая невестка, самая хорошая дача на каждое лето и к тому же добрая сватья: мать жены, почти на 20 лет моложе Прасковьи Семеновны, читала ей вслух романы с продолжениями из газет, и это незнакомое раньше удовольствие стало любимым.

С этой страницы автор "Воспоминаний" должен писать от первого лица. Я помню себя примерно с 3-х - 4-х лет. Одно из самых ярких первых воспоминаний: соска была променена за букварь, принесенный учителем Александром Ивановичем Трошневым. Букварь лежал без дела недолго: осенью, когда исполнилось мне 5 лет, мама прошла со мной пол-азбуки, потом дети заболели корью, учење прекратилось, но я тайком азбуку осилила сама при завешенных окнах. Может быть, тогда, а может быть, и раньше возникла близорукость, отличившая девочку от всей, очень зрячей, родни. Это было уже в 1909 году, через год состоялось мое знакомство с Петербургом.

Итак, в Вольшово, среди двухсот или трехсот его жителей, собрались вместе три наших родственных семьи: вдова прадеда, умершего незадолго до маминого замужества; Дарья Дмитриевна Пешая с дочерью вдовой Анной Павловной Фишер - этот дом для краткости назывался "Птичник".

Второй дом - Григория Павловича Пешего и его жены. Детям Э. Фишера он заменил отца, а внукам - деда. Кроме него и тети Веры, там была еще дочь - тетя Люба, старше меня на 16 лет, но она жила в Вольшово только ле-

том. Этот дом - дом управляющего охотой - для краткости обозначался семейным прозвищем - "Хутор".

И, наконец, третий, самый молодой, отпочковавшийся от старших, наш дом - отец, мама, я и брат младше меня на 2 с половиной года. Дома-то мы не занимали, в доме, кроме нас, жило не меньше десяти семей, но для родных мы обозначались кратко - "Аптека", хотя место работы отца было не аптекой, а амбулаторией - правда, с приготовлением многих лекарств на месте.

Кроме родственных, нас связывали еще несколько деловых или бытовых связей: на "Птичнике" бабушка, "баба Ньюта", раз в неделю пекла на все три дома хлеб и обеспечивала всех ранними овощами и птицей, если в этом была необходимость. Ее мать, "баба Даша", очень опытная хозяйка, была верховной руководительницей. У дедушки можно было иногда выпросить лошадь для деловой поездки (только с разрешения его супруги), и "на хуторе" можно было всем по пятницам мыться в бане (в селе была еще и большая баня, но дедушкина была нашей привилегией).

Ну, а в "Аптеке" все лечились, это - во-первых; во-вторых, оттуда шла помощь и руководство женскими рукодельями, и, в-третьих, там занимались фотографией, увековечивая все и всех, в том числе даже для отправки в Париж вольшовскому графу печатались снимки графского дома, парка, новых лошадей и упряжек.

В декабре "Хутор" и "Аптека" согласовали между собой выписку газет и журналов. Впрочем, в общее пользование не поступали "Приложения", которые выпи-

сывались вместе с журналами "Нива" и "Родина". В качестве приложений шли собрания сочинений лучших писателей - А.П. Чехова, А.И. Куприна, К.М. Станюковича и т.д., и т.д. Они были, при отсутствии библиотек, истинной драгоценностью: из тонких книжечек владельцы стремились скорее собрать и переплести тома. В доме деда на этой стадии, получив в переплетной мастерской корешок с позолотой, книги превращались в деталь солидного оформления квартиры; их запирали в шкаф и трогать почти никому не разрешали: тетя Вера была аккуратна до болезненности, боялась книг как источника пыли; газеты же уничтожались сразу после прочтения. В тщательно убранной, нарядной квартире управляющего охотой на столах и комодах была полная пустота, лишь у кроватей лежали самые неинтересные, отпугивающие непонятностью книжечки и брошюры религиозного содержания.

Во всех комнатах каждого дома тогда полагалось в правый угол у окон вешать иконы с лампадками перед ними. Это обычно была деталь, на которую уже никто не обращал внимания. Но на "Хуторе" иконы были всегда необыкновенно, до сверкания, начищены, а в спальне большой киот напоминал церковный алтарь, столько там было "драгоценностей": большие и маленькие иконы, искусственные цветы, хрустальный сосуд со "святой" водой, пестрые и позолоченные пасхальные яйца.

Строгая тетя Вера чаще всех родных ходила в церковь; как жена церковного старосты, она стояла там в отгороженном месте, на левом клиресе, где полагалось бы стоять владельцам имения. И моей

обязанностью было стоять рядом с ней! Притом с такого возраста, когда меня не было видно из-за ограды клироса и класть земные поклоны я могла, не становясь на колени. Правда, там стоял стул, меня на него в раннем детстве иногда сажали. Сзади, за нами, стояло много людей, мне очень хотелось на них обернуться, но мешала стенка, а потом, когда я ее переросла, полагалось копировать тетю Веру и не смотреть никуда, кроме алтаря. На таком начале моего религиозного воспитания настояло старшее поколение, и я привыкла к субботним и воскресным встречам с тетей Верой, которую вообще-то все, даже бабинька, побаивались, а я таким образом оказалась к "хутору" ближе других.

Ни старшее поколение, ни родители не подозревали, что почва для будущих атеистических убеждений была подготовлена чуть ли не с этих дошкольных времен: отношения с богом тети Веры были в непримиримом противоречии с религиозностью самого любимого и близкого человека, бабы Нюты.

Начать с того, что баба Нюта очень редко ходила в церковь (ей было всегда некогда, "прислуги" у нее не было, она отпускала в церковь бабиньку), у нее не было - по крайней мере, на виду - книжек с молитвами и "про святых", и бог-то у нее был совсем другой, чем у тети Веры, ездившей на богомолья в монастыри и проникавшей там поучениями о грозном, наказующем боге.

Баба Нюта тоже была очень верующей, но ее бог был совершенно простой и понятный. Самое главное, что она нам с братом внушала, что "бог все видит" (не только то,

что ты делаешь, даже когда никого нет, но и что думаешь! - хорошее начало воспитания нравственности и совестливости). Второй догмат бабы Нюты - бог добрый и любит добрых. А это значит, что можно искупить любую вину, если ее понять, признаться и не повторять. А добрые от недобрых отличаются тем, что веру в бога доказывают не словами, а делами - работой, даже самой трудной и черной, помощью слабым, старым, животным, цветам и траве (начало начал педагогики, в которой особую роль играла сила личного примера).

Баба Нюта всю жизнь вставала зимой в 6, летом - в 4 часа утра. Вся трудная работа по птичнику, огороду, дому бывала сделана до того, как поднималась ее мать и постоянно гостившие у нее родные из Петербурга, Гатчины, Ковно. Потом оставалось еще приготовить и подать завтрак, обед и ужин - это делалось от всей души, талантливо, с выдумкой, разнообразно, а не просто хорошо. Сама баба Нюта за столом сидела только тогда, когда они были вдвоем с бабинькой; в других случаях она ела где-нибудь в сторонке из какой-нибудь старой латочки, все время следя, кто из сидящих за столом как ест и угодила ли она каждому по вкусу.

Кроме этих повседневных дел, она обязательно ходила в парк и в лес: если не было ягод, грибов, орехов, собирала сушняк на топку, "дышала" и "смотрела", потом рассказывала о лесных новостях внукам и обязательно успевала еще почитать им и их второй неграмотной бабушке, бабе Паше.

Часто она пускалась и в дальние походы: то на кладбище в

Тишинку "к моему Андрю", как она выговаривала имя мужа, то в любую из окрестных деревень - у нее везде были крестники и кумовья, подруги и хорошие знакомые. Она знала всех нуждающихся в помощи: одним несла лекарство, другим - крепкие "обноски" или просто состарившиеся вещи, третьим - что-нибудь из одежды, сшитое ее руками. Позднее за ней было замечено, со слов бабиньки, что "для нее нет ничего святого" и надо следить, чтобы она не отдала, "оторвав от себя". С гордостью и уважением можно сказать, что она могла поделиться самым дорогим от своей бедности и взять у скуповатого родственника для нуждающегося чужого. Вся ее жизнь - цепь примеров такой активной доброты.

Баба Нюта очень любила читать и знала множество сказок, повестей и стихов. Любимым ее поэтом был М.Ю. Лермонтов, но были у нее и какие-то заветные сборники со стихами многих авторов. Она знала и пела много песен, играла на гитаре, только очень редко: ей всегда было некогда сесть, а рассказывать и петь можно было за работой и на ходу. У нее была потребность делиться и этим. Всякому "имеющему уши", а особенно нам, внукам, она говорила, что сегодня случилось в лесу, что расцвело и выросло в парке, какой воздух, каких детей она видела в Тишинке и в Исакове. Она говорила: "Вот иду по лесу, раннее утро, совсем одна, прохладно. И так мне хорошо - не вместить!" Над этим "не вместить" в семье подсмеивались, она любила это выражение, а нам, детям, оно навсегда стало понятным как синоним восторга.

Иногда, уже лет с пятидесяти пяти, она к середине дня страшно уставала, и за ней заметили смешную слабость: она могла задремать даже стоя, а после восьми часов вечера (встав в четыре утра) почти валялась с ног. Она и раньше стеснялась своего петербургского зятя, а под старость различия их характеров чувствовались все сильнее: дочь чаще была единомышленницей мужа. Но для внуков баба Нюта оставалась главным другом и авторитетом на всю жизнь, их она наградила любовью ко всему, что сама любила, а особенно к стихам и к Вольтеру.

У бабы Нюты была жизнь, тяжелая до подвижничества, полная, из-за раннего, в 25 лет, вдовства, и материальных, и моральных трудностей, о которых здесь писать было бы лишним. Но она была живая и неунывающая, умела даже в глубокой старости чувствовать юмор и хохотать до слез. В этом ей помогала ее особенная, простая и добрая религия. Третьим догматом, кроме двух, преподаваемых ею нам, была вера в загробную жизнь, обычное утешение несчастливых. Ей пришлось хоронить многих: мужа, брата и сестер, обеих дочерей, но не было у нее и тени сомнения в том, что со всеми она встретится.

После смерти мужа она была в отчаянии, что так долго ждать встречи, а на похоронах старшей дочери даже не плакала: ей было тогда больше 80 лет.

Баба Нюта была далека от официальной религии, была равнодушна к монастырям и духовенству. Если бы она получила образование, она бы легко сочетала свои убеждения с атеизмом, тем

более, что больше, чем вера в загробную жизнь, ее поддерживали деятельная доброта и общительность.

Ее дочь - моя мама - была и внешне, и по многим душевным качествам непохожа на бабу Нюту. Почти все потомки нашего англичанина рождались высокими и более или менее похожими на него, особенно мама и ее брат, тот самый Гриня, которого не отдали в наездники. К людям мама была не столько добра, сколько благожелательна и приветлива (баба Нюта была главой их семьи после смерти отца, а мама никогда не зарабатывала, всегда жила домашней хозяйкой при отце, значит, добрые поступки исходили скорее от него). В противоположность экспансивной, пылкой, ласковой бабе Нюте, мама была сдержанна во всем, ее ласковое слово трудно было заслужить, она совершенно не переносила "объяснений" и "выяснений отношений", на которые был падок ее муж. Она была любимицей учителей и воспитателей, исключительно способной к рукоделию, шитью, стряпне. Но так же хорошо получалось у нее и участие в самодеятельном театре, и пение под гитару, и бег на коньках. Но и во всем этом она была сдержанна и, что ли, слегка "академична": шить - так только по правилам; стряпать - так и не пробуя и не прикасаясь руками, без всяких отсебятин. К религии и церкви она относилась только лояльно, искусство и книги предпочитала не слишком серьезные (любила оперетты, не любила Достоевского), совсем не любила стихов. Когда дети были маленькими, она была от них дальше, чем баба Нюта и даже чем отец, - она была насмеш-

ницей, умела кого угодно передразнить, мы много раз обижались и “дулись”. Но чем мы становились взрослее, тем больше сближались с нею и, наконец, открыли, что можем даже на нее влиять, открывая ей мир своих интересов, более широкий, чем тот, в котором она раньше жила.

Но это относится уже к годам после Вольшова. В Вольшове же ее большой заслугой было то, что в нашем доме существовал разумный порядок, чистота, уют. Самая большая и светлая комната была спальней, но весь день она была в распоряжении детей, маленький садик был обработан также прежде всего в их интересах: в центре - большая гора песка, беседка для жарких дней, три вида качелей. От больных, которые приходили к отцу на прием и в аптеку, семья была совершенно изолирована отдельным входом, оградой, но самое главное - дисциплиной, хотя весь распорядок дня подчинялся интересам работы отца, и не только “прислуга”, но и мама должны были часто ему помогать. С 9 до 12 был прием, в 12 - обед, потом, примерно до трех, отец уходил или уезжал на вызовы, в 4 - чай и затем, до ужина, отдых.

У мамы была одна черта, роднившая ее с бабой Нютой: она так же любила Вольшово и природу - его главное богатство. Наверно, это стоило ей большого упорства и труда, но наша семья, почти единственная в Вольшове, круглый год совершала ежедневные прогулки - перед вечером, ну, а зимой, конечно, пораньше.

С великой радостью, вслед за родителями, выходили ребята и собаки. Собственная собака была одна - фокстерьер Чиви, нервный

и страстный охотник на ежей и кротов за неимением другой дичи. Но кроме него, были его и наши друзья: Шарик - сторож-дворняжка, старик, не поспевавший за компанией; Налет - посторонняя дворняжка, веселая и преданная, кормившаяся при нашем доме, и даже иногда красавец Орех, которого отпрашивали у хозяев в сторожке и снимали с цепи. Для прогулки были составлены два “круга” (маршрута). Малый - два прогона, соединенные лиственной аллеей, и большой - до Дорогинь. Причем возвращались опять “вкруг”, огибая всю омшарину.

Теперь навещали какие-нибудь заросли или луг: собирали цветы, любовались зимним закатом за школьным парком, осенью искали желуди или каштаны, выдумывали, отделившись от взрослых, разные истории про маленьких карликов, будто бы живущих в низких и густых кустах туи, вереска или барбариса. У каждого была любимая дорожка: у мамы - между прудом и рекой: там росла старая, толстая вековая береза; у дочки - самая глухая и зеленая дорожка в омшарине на границе с болотцем; у сына - все песчаные дороги, по которым “проезжали” лошадей, и прямая дорога в Дорогини: там вокруг ив весной к вечеру замерзали круги оттаявшей днем воды, их разбивали маленькими острыми лопатками, спуская воду через канавки в ручей.

По дороге домой заходили на “птичник”, реже - на “хутор”, видели стадо, возвращавшееся с пастбища. По примеру бабушки и матери дети привыкали рассказывать об увиденном, встречая у них живой интерес к давно знакомым местам. Однажды мама повела нас

и еще несколько взрослых смотреть лунную ночь, для этого отодвинулся даже час отхода ко сну. Прошли по липовой аллее, смотрели на графский дом, на два его фасада, а потом на тени от толстых деревьев и странные профили, чудившиеся в их очертаниях.

Кроме этих вечерних, самых любимых прогулок, у детей было еще много okazji побегать и утром, и днем: ходили на почту или к родным, шли гулять с бабой Пашей - она скорее где-нибудь устраивалась сидеть, а мы вникали в близкое окружение. С благодарностью принималось любое приглашение к прогулке от приехавшего в Вольшово гостя и с пяти-шестилетнего возраста мы могли быть проводниками по всем вольшовским достопримечательностям. Я очень любила выйти в парк и одна: можно было остановиться под любимым деревом, потрогать его руками, залюбоваться маленькой, сотни раз виденной лужайкой. И не обязательно, чтобы было солнце: в дождь, в грозу, осенью, когда парк делался морем сухих разноцветных листьев, всегда на память приходили слова бабы Нюты "Не вместить!"

Мне кажется, надо прожить детство в таком месте, как Вольшово, чтобы потом всегда и везде быть счастливым рядом с природой. Но жили в Вольшове десятки детей, проводивших время лишь вокруг своего дома и двора, в лес ходивших только в грибную и ягодную пору. К чудесным природным условиям была приложена продуманная, настойчивая работа по воспитанию любви к природе двух женщин - бабушки и матери.

Отец был человеком более сложным и трудным. Его детство

- это большая бедная семья, где ты самый младший, двор петербургского огромного, густо населенного дома, долгие годы трудной учебы и жизни в военно-фельдшерской школе. Впечатления были разнообразными и очень часто отрицательными, мальчик в столичном городе видел больше грубости, грязи и обид, чем его сверстники в вольшовской тишине. Удачей для него было оказаться на службе в конногвардейском полку. И вдруг тяжелая болезнь, принявшая хроническую форму, - и с военной службой пришлось распрощаться.

В Вольшове работа, увлекавшая его, трудная, самостоятельная, требовавшая занятий медицинской наукой, чтения журналов, проходила в тяжелых условиях. Главными из них были бедность крестьян и их темнота: нельзя было добиться регулярного лечения, выполнения режима и диеты. И посты, и "праздничные" сводили подчас на нет все усилия фельдшера. Трудно и кропотливо приходилось возиться с приготовлением лекарств: развешивать порошки, варить микстуры и даже дистиллировать воду - огромное количество воды перегонять в находившейся при амбулатории ванне.

Но фармацевтика, как и медицина, увлекала молодого фельдшера. В дальнейшем он стал еще преподавать какой-то курс, наверно гигиены, в школе маслоделия и сыроварения в селе Вязье, неподалеку от Вольшова.

В свободное время, по вечерам, отец после семейной прогулки много читал. Он любил читать вслух, это особенно скрашивало зимние вечера: в большой спальне ставили широкий стол, мать устраивалась за ним с нескончае-

мым шитьем, детям тоже давалось задание - лет с пяти-шести нелюбимая штопка, раскрашивание, рисование или даже помощь отцу - аккуратное разрезание бумаги довольно сложной формы, на которой писались рецепты. А отец в это время читал вслух - сказку, или детский журнал "Светлячок", или веселую историю про Макса и Морица.

Когда дети научились читать сами, отец увлекся фотографией и переплетным делом - как и у жены, все получалось у него на профессиональном уровне, заведены были все принадлежности и материалы. Как и многие в нашем селе, он любил лошадей и надумал вырезать для сына игрушки - модели лучших вольшовских коней. Первой появилась лошадь-качалка, потом небольшой рыжий, обтянутый бархатом, "Меджик" и, наконец, огромный "Франт" - черный, с настоящими гривой и хвостом и на колесах. Для достижения сходства служили сделанные летом фотографии, модели крупных лошадей из деталей, как у скульптора. «Франт» был тяжеловесен, и колеса громыхали на ходу, но он был гордостью семьи, его перевозили из города в город: в Пскове он остался в 1941 году.

Сколько упорства и воли вкладывал отец в эту работу! Целую зиму он вырезал "Франта" тайком от сына, забираясь для этого в помещение амбулатории.

Вместе с учителем, отец был одним из организаторов любительского театра. В "Ревизоре" играл городничего, хотя в драматическом таланте он уступал маме. Несколько зим они устраивали каток, летом чуть ли не каждый вечер играли в крокет на "Хуторе" у дедушки. Отец хорошо играл на гар-

мони, но со временем стал ее считать недостойным музыкальным инструментом - и забросил. Уже тогда, едва в тридцатилетнем возрасте, у отца появлялись усилившиеся потом недостатки: он легко выходил из себя и, как всякий невзрастеник, оскорблял, пугал и обижал самых близких ему людей. Больные, его пациенты, никогда бы не поверили, каким мог быть в семье их терпеливый, внимательный врач. Конечно, больше всего я помню тяжелые сцены, когда отец наказывал брата, а это бывало довольно часто, мальчик был не очень послушный и строптивый. Легче было, когда пороли нас обоих, но это было всего дважды или трижды; за брата же я бросалась заступаться и висла на руках отца, в итоге попадало всем и больше всех маме. Страшно вспомнить, что никто из окружающих не представлял себе других мер наказания.

Отец ссорился иногда и со взрослыми, дело однажды дошло до длительного разрыва с "Хутором". У этого конфликта была глубокая причина, заставлявшая отца мечтать об отъезде из Вольшова. Он не переставал возмущаться "лакейским духом", по его мнению отравлявшим и людей, и отношения, и всю жизнь в Вольшове. Дедушка, управляющий охотой, а может быть, и второй, главный управляющий, и доктор из Александрова, наверно, представлялись отцу первыми виновниками этого ненавистного духа раболепства перед "нашими господами".

Отец, по-видимому, был во многом прав и особенно потому все это заметил, что был свежим человеком, уже почувствовавшим новые веяния в Петербурге перед

первой русской революцией. Но многого он по этой же самой причине и не мог понять: во-первых, того, что люди в Волышове от отцов и дедов унаследовали психологию не просто крепостных, а крепостной интеллигенции; и во-вторых, тридцатилетнее отсутствие владельца имения для большинства разрядило обстановку, исключило возможность прямых столкновений и обид. Даже крестьяне меньше злобились на миллионера графа Строганова, чем на ближайшего, намозолившего глаза и мешавшего жить мелкопоместного соседа.

Кроме родных, в Волышове и по соседству было у нас несколько семей, скрашивавших жизнь друг другу. В доме учителя А.И. Трошнева, в здании школы, был, кроме граммофона и "волшебного фонаря", еще рояль. Хозяйка дома, Инна Петровна, близкая подруга мамы, хорошо играла и давала уроки музыки, была веселой и энергичной, как муж; у них, как и у бабушки, постоянно гостили родня и знакомые. Предприимчивая хозяйка, жена учителя держала "нахлебников", приходивших обедать и ужинать, и даже взяла однажды на воспитание годовалого, хилого незаконнорожденного мальчика Юру. Его мать была из состоятельной петербургской семьи, приезжала ненадолго только летом. Юрочка вырос и окреп, мама его вышла замуж за племянника Трошневых - все сложилось по-человечески хорошо и удачно, хотя начиналось лишь на почве предприимчивости.

У Трошневых было три дочери - они составляли мое волышовское общество, но их отдали учиться в Порхов, и наши пути

вскоре разошлись (А.И. Трошнева после 1917 года переехал в Порхов и долго работал там методистом арифметики - это соответствовало его призванию и способностям больше, чем работа в маленькой сельской школе).

Близкой была семья лесничего Ивана Алексеевича Тюльпанова - человека более широких взглядов и развития, чем у других строгановских служащих. В их доме - при древесном питомнике в Захонье - было множество книг, росли два мальчика наших лет, приезжали интересные люди, пополнявшие любительскую труппу в Волышово. Было очень грустно, когда один из них, окончив духовную семинарию, стал священником и больше уже не имел права участвовать в "греховном" драматическом искусстве.

Более широкое общество, включавшее в себя несколько соседних помещиков, кое-кого из духовенства, трех-четырёх студентов и семьи двух торговцев из Макасова Бора, собиралось в Волышове изредка - по большим семейным праздникам, именинам и рожденьям. Тогда шли в ход традиционные семейные угощенья: у Трошневых и Тюльпановых - торты, "как в Риге" (хозяйки были полунемка и немка); у Пеших - целый набор мороженых; у нас в Новый год - английский плум - пудинг: он пропитывался и поливался ромом, который зажигали на блюде и он продолжал еще некоторое время пламенеть на тарелочках у гостей! Из Порхова иногда присылали местную гордость - "бабу-пень": огромный сухой торт.

Близость Порхова в нашей семье почти не чувствовалась: если родители туда иногда и ездили за

покупками, то для нас, детей, эти поездки связывались лишь с соблазнительным запасом чайной колбасы, редкости для Вольшова.

Но зато связи с Петербургом были повседневными: шли письма, выписывались и присылались родными всевозможные материалы и принадлежности - от хозяйственных до фотографических.

В Петербурге жили самые близкие родные - бабушка, дяди (из них один вольшовский), тетки (из них две самые близкие, тоже родившиеся в Вольшове). Они приезжали, иногда - целыми семьями, каждое лето, а в Петербург на зиму уезжала тетя Вера - тогда на "хуторе" оставалась за хозяйку бабинька. Каждый день приходили из Петербурга газеты, в долгие сроки - журналы. Но кроме этих крепких связей, родители раз в два-три года, накопив денег, ездили в отпуск и возвращались, полные впечатлений от театров, только что появившихся тогда кинематографа и... трамвая, от цирка, улиц и площадей.

Нас повезли в Петербург первый раз в 1910 году (мне было 6, брату около четырех лет) по важному случаю - на свадьбу самого старшего, сорокалетнего дяди. Венчание было у "Николы Морского", потом - в каретах! - ехали на Петергофское шоссе (теперь проспект Стачек), где жили родные невесты.

Нас водили в цирк, кинематограф, в игрушечный магазин "Александра" на Невском. Честно надо сказать, что если в цирке из первого ряда партера я что-то увидела и пережила восхитительные минуты в антракте, когда катались на пони и ходили к лошадям за кулисы, то первое в жизни посе-

щение кинематографа огорчило и ошеломило: из-за близорукости я ничего не разобрала, видела какое-то мелькание. Зрячие родители этого почти не заметили, сами они еще не были избалованы новым модным зрелищем.

Деревенские дети, мы с братом иногда поражали и смешили столичных родственников: брат в Гостином дворе долго здоровался со всеми встречными, как полагалось в Вольшове, а я в игрушечном магазине, когда предложили выбрать "что хочу", в страшном смятии выбрала только ящичек с красками, после чего первый раз в жизни пережила обморок (только не упала, а села на пол).

Были, впрочем, у моих родителей и реванши за нашу провинциальность: мы пели дуэтом, я то вела мотив, это было легко, а брат, которому не было четырех, очень верно и красиво вторил. В Вольшове мы так научились петь во время игры в песочнице, а прохожие останавливались за забором, чтобы послушать. Кроме того, я каждый день читала вслух обитателям большой теткиной квартиры. Не видя в этом ничего особенного, умилялась, что и бабушка, и портниха, и кухарка готовы слушать меня часами, а их, наверно, забавляло как фокус мое "мастерство".

Большое значение для нашей семьи имело сближение с молодым поколением семьи князя А.Г. Гагарина, построившего к 1914 году дом в недавно купленном у родственников - владельцев Бельского Устья - имени "Холомки".

(Продолжение следует).

Фотографии к «Воспоминаниям» Г.В.Проскуряковой
Фотографии 1906-1912 гг. сделаны В.Г.Проскуряковым; более ранние
и фотография 1929 г. - профессионалами.

Дарья Дмитриевна и
Павел Калиныч Пешие.
80-е гг. XIX в.

Григорий Павлович Пеший.
80-е гг. XIX в.

Анна Павловна Фишер.
Нач. 80-х гг. XIX в.

Эндрью (Андрей Антонович)
Фишер. Нач. 80-х гг. XIX в.

Лидия и Григорий Фишеры.
90-е гг. XIX в.

Лидия Андреевна (урожд. Фишер)
и Василий Григорьевич
Проскуряковы.
Свадебная фотография 1902 г.

Людмила Владимировна Фишер
(жена Г.А. урожд. Иванова)
у графского дома. 1906 г.

Семьи Пеших, Фишеров, Проскуряковых (4 поколения). 1912 г.
(Вторая слева во втором ряду сверху Анна Павловна Фишер)

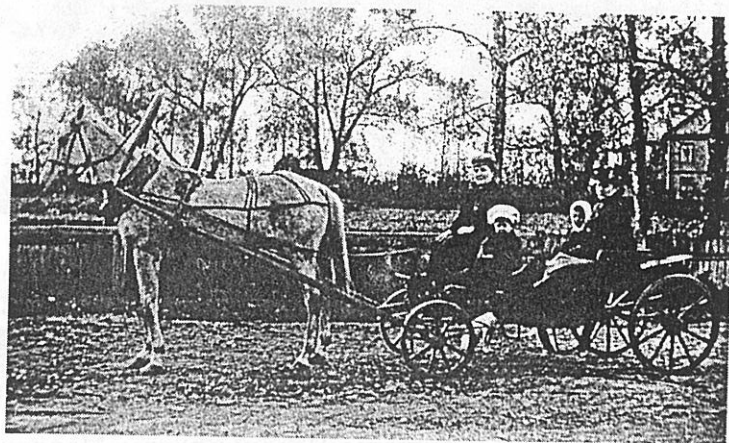
Пять поколений: Пешие-Фишеры-Проскуряковы-Масленниковы.
1929 г.

Фишеры - Проскуряковы за семейным столом в Воышове. 1912 г.

Галя (автор «Воспоминаний») и Коля Проскуряковы. 1908 г.

Лидия Андреевна Проскурякова с детьми на прогулке. 1908 г.